
А.А. ПЛОТНИКОВА

ЧЕЛОВЕК ПРОТИВ НЕПОГОДЫ
(ПО ДАННЫМ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРЕАЛА ЮЖНОЙ СЛАВИИ)

Более тридцати пяти лет назад была написана важная для становления этнолингвистики как науки статья С.М. и Н.И. Толстых «Защита от града в Драгачево и других сербских зонах» (Толстые 1981). В статье использовались опубликованные на тот момент материалы прежде всего из архаического региона Драгачево в западной Сербии, относящегося к широкому центральному ареалу Южной Славии, который охватывает западносербские, восточногерцеговинские и некоторые боснийские культурные диалекты. Фрагменты традиции, касающиеся объемной темы ритуально-магического противостояния человека непогоде, в этом центральном ареале Южной Славии имеют общие черты (очертания рассматриваемого ареала по набору культурно-языковых признаков представлены в книге (Плотникова 2004: 718)), которые были подтверждены при полевом сборе материала в трех регионах южнославянского «центра» в настоящее время, в период 2014–2017 гг.¹

В 2016 г. была предпринята экспедиция в западную Сербию в районе Косьерича (села Мионица и Скакавци, примыкающие друг к другу), где исследование проводилось по этнолингвистическому вопросу для полевой работы в южнославянских и балканских селах (Плотникова 2009), в 2017 г. полевое исследование по тому же вопросу было расширено и распространено на области Республики Сербской в Боснии и Герцеговине (сербские села Горня-Драготиня и Доња-Драготиня, Горня-Бистрица и Доња-Бистрица, Брезичани, Цикоте, Сводна, Орловцы, Радомировац и мусульманское село Козарац)². Несмотря на

DOI: 10.31168/2619-0834.2018.11

- 1 Отметим, что двадцать лет назад автор настоящей статьи побывал и в самом районе Драгачево (1997 г.), где лично услышал известные по публикации отгонные формулы и заклинания против града (с этой первой экспедиции, по сути, и началась полевая работа с этнолингвистическим вопросником по Южной Славии и прилегающим балканским регионам).
- 2 Работа в Республике Сербской (Босния и Герцеговина) — в окрестностях г. Приедор (20–30.03.2017) велась в рамках проекта ученых из

то что в самом вопроснике по Южной Славии конкретные вопросы по ритуально-магическим действиям при противостоянии человека непогоде отсутствуют³, именно эти вопросы («Что делали при приближении градоносной тучи?»; «Какие действия предпринимались, чтобы град не побил посевы?»; «Какие обряды совершались при наступлении засухи?» и т. п.) всегда были в центре внимания автора настоящей статьи в силу их важного значения для определения, насколько тот или иной регион сохраняет архаические особенности культурного диалекта края, а также по причине их значения для народной демонологии Южной Славии, где особое место отводится мифологическим персонажам, вызывающим град, бурю (в.-серб. *змај, аждаја*, ю.-серб., макед. *ламја* и т. д.) и лицам со сверхъестественными способностями, им противоборствующим (черног., в.-герцеговин. *здувач, здухач, стувач*; з.-серб. *вјетровњак* и под.). Полевое исследование в славяно-мусульманских селах также дало положительные результаты, поскольку тема противостояния человека непогоде не только актуальна для представителей всех конфессий, но и позволяет найти общие архаические черты изучаемой культурной зоны

Университета в г. Баня-Лука «Проучавање и заштита нематеријалног културног наслеђа Републике Српске» («Изучение и защита нематериального культурного наследия Республики Сербской»), координатор проекта проф. др. Еленка Пандуревич.

- 3 При этом есть близкие вопросы из области сельского календаря и народной демонологии: прежде всего, в тематическом блоке по окказиональному обряду вызывания дождя (№ I.48), в связи с летними «горящими» днями (№ I.50), днем св. Ильи (№ I.51), Сретением и другими зимними, весенними и летними праздниками, когда превентивные или защитные меры от непогоды актуальны; с другой стороны, при опросе по народной мифологии нередко смыкаются вопросы-ответы о «вилах» и вихре, о чертях и вихре (буре, непогоде). И, конечно же, тематический комплекс, посвященный воздушным демонам (№ IV.8), включает как вопросы о вредоносных мифологических существах (№ IV.8.1: «Змей, дракон, невидимое существо, демон непогоды, приносящий град, тучи, уничтожающий, “пожирающий” посевы, урожай»), так и о защитниках села, полей, угодий (№ IV.8.3: «Добрый демон, змей, дракон, защищающий свое село (поля, виноградники) от непогоды или/и приносящий долгожданный дождь» и № IV.8.5: «Обладающий сверхъестественными способностями человек (возможно рожденный от змея и обычной женщины), дух которого во время сна защищает село и урожай от непогоды»), а заключительный вопрос раздела (№ IV.8.6) непосредственно сформулирован с учетом народных представлений, отраженных в наименовании вихря: «Вихрь — воплощение (и место пребывания) нечистой силы (например, танцующей вилы)» (Плотникова 2009: 50).

именно при анализе внеконфессиональных (здесь: домусульманских) особенностей традиции.

Особо стоит сказать о второй экспедиции — в села окрестностей Приедора (Республика Сербская в Боснии и Герцеговине), поскольку этот регион (села Поткозарья, частично — Подгрмечья) до сих пор практически не исследовался этнографами. Что касается лингвистических работ, то здесь ситуация несколько лучше: в настоящее время существует диалектный словарь Стии Далмации «Словарь говора Поткозарья» (Далмација 2004), кроме того, сербской научной общественности известна дипломная работа Дияны Црняк (Савич) (Савић 1997), представляющая собой словарь терминологической лексики, собранной в селе Велико Блашко около Баня-Луки еще в 1997 г. по вопросу А.А. Плотниковой. Диалектный словарь С. Далмации (недифференциального типа), разумеется, не ориентирован на лексику народной духовной культуры, но и в нем содержатся отдельные статьи, посвященные ряду календарных обрядовых реалий, мифологических персонажей и их действий, включающие толкование и иллюстрации употребления слова в речи: *бабарога*, *бабине уке*, *бадњак*, *вида*, *вила*, *вилењак*, *вјештица*, *врачара*, *врачка*, *дрекавац*, *замађијати*, *ковртањ*, *оманђијати*, *положник*, *привид*, *страда*, *сугреб*, *урећи*, *урок*, *урокљив*, *чаројице*, *чесница* (Далмација 2004: 20–21, 44–45, 46, 70, 92, 131, 202, 228, 242, 289, 290, 321, 337, 338)⁴. На основе только нескольких важных ключевых лексем из перечисленного списка материалов словаря (прежде всего: *вилењак*, *дрекавац*, *чаројице*, *чесница*) уже можно судить о том, что этот лексикографический труд представляет один из регионов центра Южной Славии⁵.

- 4 Некоторые слова повседневной лексики снабжаются этнографическими комментариями, связанными с поверьями или обычаями (например, *омаја* «вода, стекающая с мельничного колеса», где далее перечисляются ритуалы с этой водой на Юрьев день (Далмација 2004: 202)), иногда — иллюстрациями, содержащими этнолингвистический контекст, например: *кукавица* «перелетная птица, которая кричит ку-ку, ку-ку и которая подкладывает яйца в чужие гнезда», после чего следует речевая иллюстрация, включающая поверье о том, что человек будет весь год делать то, чем он занимался, в первый раз услышав весной кукушку (Далмација 2004: 141–142).
- 5 Впрочем, в словаре почему-то отсутствуют лексемы *лила* и *машала* в значении ‘обрядовый факел для процессий в день св. Петра’, тогда как сами слова (прежде всего *лила*) и ритуальные действия с обозначаемым ими ритуальным предметом многократно фиксировались в нашей экспедиции в Поткозарье, а также и в других регионах центра Южной Славии; то же самое касается отсутствия лексемы *чинилица* ‘ведьма’ — одного из показателей специфической лексики исследуемого культурного диалекта, широко известного в Поткозарье, ср. (Плотникова 2018).

Опираясь на изученный этнографический, диалектный и полевой этнолингвистический материал, можно выделить некоторые тематические комплексы, связанные с особенностями человека, противодействующего непогоде, и типом его ритуальных действий.

(1) Человек, обладающий, по народным поверьям, сверхъестественными способностями бороться с непогодой, устремляясь навстречу буре (*времењак*, известный в Поткозарье⁶, или *вјетровњак*, как фиксируется в полевых записях из западной Сербии). Следует сразу оговориться, что из дальнейшего рассмотрения в данной работе исключается *човек-змај*, *змајовит човек*, т. е. «человек-змея», представления о котором сохраняются в Восточной Сербии и Западной Болгарии и репрезентируют несколько иной тип народной культуры, распространенный в ином балканском ареале⁷. В центральной части Южной Славии народные представления оказываются более близкими паннонским и карпатским, о «человеке-змее» здесь не идет речи ни в названии, ни в самом экстралингвистическом контексте. Как правило, человек, способный бороться с грозой, градом, бурей, — это обычный житель села, но, как говорят информанты, в повседневной жизни слегка нервозный (*на живце*), поскольку тонко чувствует непогоду. Когда он ощущает приближение градоносной тучи, то раздевается догола, накидывает плащ или длинное пальто и отправляется в горы бороться с непогодой (Доня-Драготиня, БС). Соседям в селе он говорит: *Ви се не треба бојати* [Вам не надо бояться] (Цикоте, СК); *Ја ћу вас спасити* [Я вас спасу] (Орловцы, БК). *Времењак га звали* (Орловцы, БК); считали, что это человек, который определяет непогоду по движению воздуха (*који зна по зраку*) (Горня-Драготиня, МД). Когда такой человек умирает, то во время его предсмертной агонии меняются три времени года: «звали су као... *времењак*, то ти људи који су могли. Био један човек, у суседном селу живео, око 96 година, и на тој његовој сакрани (мало се бавим са тим), у току једнога дана као три годишња недоба: сад грије сунце, спуштају човека у раку, почне киша, па лед, па опет... као три годишња недоба...» [звали его будто бы... «временяк», это люди, которые умели. Был один человек, в соседнем селе жил, около 96 лет, и на тех его похоронах (я немного этим занимаюсь) в течение одного дня как будто три плохих сезона: вот солнце греет, спускают человека в могилу, начинается дождь, потом град, потом опять... как три плохих сезона] (Радомировац, СС). Неудивительно, что в окрестностях Приедора, там, где такие представления утратились, лексема *времењак* в настоящее время

6 В «Словаре говора Поткозарья», к сожалению, также отсутствует.

7 Подробнее об этом см. (Плотникова 2004: 658–665, там же карта).

обозначает только беспокойного человека, остро реагирующего на дождь и другие изменения в погоде.

Несколько иные архаические представления, связанные с образом человека, противостоящего непогоде, иллюстрирует рассказ из западной Сербии (с. Мионица), составляющей единый ареал с упомянутым севернобоснийским по ряду признаков. Здесь наименование персонажа связывается с ветром:

Собиратель: Да ли сте чули за неког човека, који је био вјетровњак?
[Слышали ли вы о человеке, который был «ветровняк»?]

РС: А, јесте! [А, да!]

Собиратель: Раденко [Раденко]⁸.

РС: Па чули смо... он је... трактор вози, и он устави трактор и само њега зајема одједном. Он је отишао негђе! Каже да после се појави ту опет, на земљи, али је сав као изломљен, сав је, сав је никакви он, да Бог сачувај! Он има сина, сад председник општине у Косјерићу [Ну слышали мы... он трактором управляет, и он остановит трактор, и только его вдруг нет. Он ушел куда-то! Говорят, потом опять здесь появится, на земле, но весь будто бы изможденный, весь такой, будто бы никакой, упаси Боже! У него сейчас сын председатель общины в Косьериче].

Собиратель: Зашто је сав изломљен? [Почему весь изможден?]

РС: Па ко зна гђе је и шта је. То Бог зна само. Никакви! Кажу људи. Он је тамо... [Да кто знает, где был и что делал. Это только Бог знает. Никакой! Люди говорят. Он там...].

Собиратель: И како кажу? [И как говорят?]

РС: Вјетровњак, вјетровњак [Ветровняк, ветровняк].

Собиратель: Шта ради кад занеми? [Что делает, когда замирает?]

РС: Он иде и штити исто од тога града. Као баба ова што причасмо о њој [Он идет и защищает тоже от этого града, как вот эта бабка, о которой мы сейчас говорили].

Собиратель: Као у сну? [Как будто во сне?]

РС: Не у сну! Оде он увис, у ваздух [Не во сне! Он идет вверх, в воздух].

Собиратель: Али ви га можете виђати на трактору? [Но вы его можете видеть на тракторе?]

РС: Видели смо га. И само га занема у тој олуји. Њега нема. После боја је у дворишту, сав је сломљен. Трактор стане а њега нема. После дође сав изломљен [Видели мы его. И вот он исчезает в этой буре. Нет его. После битвы он во дворе, весь обессиленный. Трактор останавливается, а его нет. Потом появляется весь изможденный].

---

8 По сведениям из обоих сел, Раденко — имя этого реального человека.

Интервью из соседнего села Скаваницы, начинающееся с вопросов о ребенке, которого воспитывали мифические персонажи вилы, дополняет и уточняет предыдущее:

Собиратель: (обращается с просьбой рассказать о человеке, который имел сверхъестественные свойства, был *виловит*⁹) ...за човека за кога кажу виловит? [...о человеке, про которого говорят, что он «виловитый»?]

ЕС: Е, па то јест, то је имао један човек код нас. Он зна, овај, кад ће киша! Само нек се појави онај... [Э, да, был один человек у нас. Он знает, это, когда будет дождь! Только появится этот...]

МС: Крњо [Крнѐ].

ЕС: Крњо, дабоме [Крнѐ, вот именно].

МС: Раденко неки. Код нас је им(а)о један човек, звали га *времењак*¹⁰. Знаш ли шта је *времењак*? Кад оће време он онда крене као да иде усретање облацима и горе. И он кад је <...> кад оће киша да пада, онај ветар и киша, и град, мислим то, он, он учествује тамо, са тим, знаш... [Некий Раденко. У нас был один человек, называли его «временяк». Знаешь ли, что такое «временяк»? Когда приближается непогода, он тогда отправляется, чтобы пойти навстречу тучам наверху. И он, когда... когда вот-вот полетит дождь, такой ветер и дождь, и град, это я имею в виду, он, он участвует там, с этим, знаешь...]

Собиратель: Како сте рекли? [Как вы сказали?]

МС: Времењак. Каже кад оће време, он крене од куће... [Временяк. Когда приближается непогода, он отправляется из дома...]

ЕС: ...и он се бори са тим... [...и он борется с этим...]

МС: ...облацима и тим временом [...с тучей и этой непогодой].

ЕС: Имамо ми доље, од наше куће подалеко је, имамо једну ливаду. И он је после рекао: «Сломио сам Милуну багрем у лучи» [Есть у нас внизу, далеко от нашего дома, у нас луг. И он после сказал: «Сломал я Милуну акацию на лучины»].

МС: То је дрво једно било... [Это одно дерево было...]

ЕС: Није то мали багрем! Било два овако, и они су, каже, ту, ту смо се борили, ту смо били, али сломио сам Милуну багрем [И это не маленькая акация! Было два таких, и они, говорит, тут, тут боролись, тут были, но я сломаю Милуну акацию].

- 9 От лексемы *вила*, в западносербском регионе широко известны термины *виловито дете* 'ребенок, возвращенный вилами и получивший от них сверхъестественные способности'; *виловит човек* 'человек, бывший в контакте с вилами и получивший от них необычайную мощь' и т. п.
- 10 От *време* 'погода'; *времењак* букв. «погодник, человек», чувствующий погоду; зависящий от метеословий'.

МС: Оно јесте, тај багрем сломљен <...> То је било наш багрем, наша ливада, једно дрво, зове се багрем. <...> Ја после тог невремена сам отишао, видим: преломљен багрем, то је дрво једно, зове се багрем. Преломљено горе на средини, у стаблу. И, па ја знам, он ветар дува и дува, и рачунам: изломило га. Али он ми после причао да је он био ту! [Так и есть, та акацију сломана <...> Это были наша акация, наш луг, одно дерево, акация называется <...> Я после этой непогоды пошел, вижу: сломана акация, это такое дерево, акация. Поломано сверху посередине, ствол. И, ну я знаю, ветер дует и дует, и соображаю: сломало его. Но он после мне рассказывал, что он здесь был!]

ЕС: Каже: «Ту смо копља ломили...» [Говорит: «Здесь мы копыя ломали...»]

МС: Ту смо, каже ломили копља и сломили су Милуну багрем! А он није долазио ту, где је тај багрем, да он знао специфично овај... <...> Он није долазио никад ту прије [Здесь, говорит, мы копыя ломали и сломали Милуну акацију! А он сюда не приходил, где эта акация, чтобы точно знать про это... <...> Он никогда не приходил сюда раньше].

Собиратель: Значи за њега би се рекло да је виловит? [Значит, про него бы сказали, что он «виловитый»?]

ЕС: Да, да.

МС: *Виловит* и *времењак*, то ти је то. Исто је то, бикови, волови, кад оће невреме, они само бурљају и копају ногама. Осећају време. И за то зове се: *виловит*. *Виловито* [«Виловитый» и «временяк» — это то и есть. То же самое, быки, волы, когда надвигается непогода, они только фыркают и копают землю ногами. Чувствуют непогоду. И про это говорят: «виловитый»].

ЕС: Али ови ти који се отеле, они се отеле у кошуљици! Обучени. И сад ти ако си ту, да му скинеш са њушке ту кошуљицу, ти свучеш њу низанда (?), то је цела кошуљица! [Но эти при отеле — они рождаются в рубашечке! Одетые. И ты теперь, если рядом, должен ему снять с морды эту рубашечку, ты стащишь её вниз, это целая рубашечка!]

МС: То је опна једна, која, знате шта је кошуљица? [Это такая оболочка, которая, знаете, что такое «рубашечка»?]

Собиратель: Кад се дете роди исто у кошуљици да ли је исто виловито? [Когда ребенок тоже рождается в рубашечке, он тоже «виловитый»?]

ЕС: Јесте. Јесте, и оно исто зна. Па тај човек он је вероватно се родио у тој *амјлији* која га тера за то [Да. Да, и он тоже умеет. И этот человек, вероятно, родился в амулете, который его к этому побуждает].

<...>

Собиратель: Ја сам чула да га зову ветровњак? [Я слышала, что его зовут «ветровняк»?]

ЕС: Може, може [Может, может].

МС: Па, вјетровњак, ја. То је то [Так — вјетровњак, да. Это как раз то самое].

ЕС: Може *вјетровњак*, *времењак* [Может быть вјетровњак, временяк].

В этих двух диалогах из соседних западносербских сел сосредоточен целый спектр представлений о людях, управляющих непогодой, характерный для центрального ареала Южной Славии. Во-первых, речь идет о сверхъестественных способностях бороться с невидимым для окружающих противником — этот мотив битвы за урожай особенно ярко выражен в более южной традиции ареала, в черногорских и восточногерцеговинских областях, где мотив борьбы приписывается «здухачам»¹¹. Во-вторых, явно высказывается убеждение в том, что человек или животное наделяется таким даром от рождения — такие существа рождаются со знаком на теле: «в рубашечке» (сама «рубашечка» якобы подталкивает ее владельца к совершению неординарных поступков), что также отсылает к определенному культурному диалекту — центру Южной Славии (см. (Плотникова 2004: 542–549, там же карта)). Обращаясь к наименованиям человека, способного бороться с непогодой, можно отметить как типичные для западной Сербии наименования, связанные с ветром, непогодой (ср. также аналогичные з.-серб. *ветрогоња*, *градобранитељ*, срем. *облачар* и под.), так и указание на причину приобретения способностей (*виловито*), которая иначе как в названии в этих селах никак не выражена, хотя о наделинии «виллой» человека сверхъестественными способностями известно из этнографической литературы данного региона (см., например, обобщение подобных верований в: (Кулишић, Петровић, Пантелић 1998: 98–100)).

(2) Другой тематический комплекс, напрямую относящийся к изучаемой проблематике, связан с определенным поведением любого, самого обычного человека при приближении градоносной тучи. Н.И. Толстой называл это «пассивными» способами защиты от града (см. (Толстой 1995: 537)). По сведениям из исследованных сел Поткозарья, самый простой способ воспрепятствовать приближению тучи, повернуть ее вспять, защищая свой сад, огород и свои земельные угодья, — зажечь рождественскую свечу или свечу с праздника «Слава» (*славску свијечу*), которые специально хранятся для этой цели в сельских домах.

К тому же типу способов следует отнести выкидывание во двор печной (по сути — очажной) утвари (*маша* ‘железная лопатка для углей’, *машице* ‘щипцы для угля’, что принято также и у мусульман централь-

11 Подробнее о «здухачах» см. (Плотникова 1999: 303–305; Плотникова 2004: 658–665, там же карта).

ной части Южной Славии¹²), выставление трапезного столика (*синија* или *софра*¹³), посуды (ложки, вилки), острых предметов — ножа, топора острием вверх (чтобы «рассекал» тучу). К более сложным способам защиты от града (в терминологии Н.И. Толстого это уже «активная защита от града» (Толстой 1995: 537)) относится произнесение при этих действиях некоторых заговоров (что в настоящее время постепенно утрачивается; например, информанты сообщают, что их старая бабушка махала руками на все четыре стороны, но что при этом говорила, не знает или не помнит). В с. Брезичани записано: *Бабе су ножем крижале онај облак* [Бабки ножом закрепщивали эту тучу] (АМ). В с. Радомировац: *Гледам како народ, како то бака радила, кад лед се спрема. И она баци машу, баци виљушку, кашику, тако, и као што погледа кроз сито, прекрсти по небу, гледа као да се укрсти тај лед* [Смотрю, как народ, как моя бабушка делала, когда град собирался пойти. И она бросала лопатку для углей, бросала вилку, ложку, так, и когда смотрит через сито, прекрестит небо, смотрит так, чтобы закрепить этот град] (СС)¹⁴.

В тот же «пассивный» ряд способов борьбы с градом можно включить и следующий важный набор ритуальных действий, связанных с контактной магией. Так, в окрестностях Приедора встретилось сообщение о том, что ребенок, мать которого умерла (даже если он уже стал взрослым), должен раскусить три градины¹⁵. По словам бабушки-собеседницы, лишившейся матери в младенчестве, как только начинается град, она выбегает на улицу и раскусывает три градинки, после чего град перестает (*три зрнциета ради тих облака, престаће лед* [три крупинки из-за этих туч, град перестанет]; с. Орловцы, НК). По другим сведениям, сирота (то же у мусульман — ребенок-сирота, без обоих родителей; Козарац, ТА)

12 Село Козарац, ТА.

13 Оба названия этого сакрального (и бытового) предмета интерьера встречаются в центральном ареале Южной Славии.

14 Выбрасывание предметов сохраняется до сих пор; так, бывший полицейский, живший во время своей карьеры в городе и затем переселившийся в село в дом своей бабушки, на пенсии разводит овец и также стремится обезопасить себя от приносящих ущерб погодных условий, поэтому в беседе с ним о защите от града проскальзывают слова: *Машу сам припремио ја горе...* [Лопатку я в доме наверху приготовил...] То је било, та веровања. *И ја сам тако једном покушао, добро, неверијеме се стишло...* [Это было, эти поверья. И я так же однажды попробовал, хорошо, непогода стихла] (Радомировац; СС).

15 В данном случае прослеживается особый статус сироты у южных славян, выбираемого, в частности, на роль главного персонажа самых разных обходных обрядов (болг. *лазарки*, серб. *додоле* и др.).

должен проглотить одну градину, уменьшая тем самым губительное воздействие града, сделать так, чтобы он затих: *И ту сам од баке запамтимо као да је добро кад нема родитеља кад почне град, да узме ону једну куглу леда и да прогута* [И вот я запомнил от своей бабушки, что хорошо, когда не имеющий родителей ребенок, как только начнется град, возьмет один шарик льда и проглотит] (Радомировац, СС).

Кроме того, к ритуальному поведению человека в связи с возможной непогодой в течение календарного года следует отнести и обязательное празднование Великой четверга и Великой пятницы перед Пасхой, как говорят собеседники из окрестностей Приедора, *од леда*, т. е. от града: например, если работаешь и к тому же развесишь белое белье на веревке, все поле покроет градом (Брезичани, ЛМ); нельзя в эти дни отбеливать белье по той же причине (Орловцы, БК). Строго отслеживалось соблюдение запретов на все работы в дни «Огненных святых» (*Огњевити свеци: Огњена Марија, Илиндан*) с целью защиты от грома, молнии, бури, непогоды, например: *Огњена Марија? Не би круа укувала!* [Огненная Мария? Я бы и хлеба не испекла!] (Горня-Драготиня, МД). Зафиксированы также и иные — единичные — ритуальные действия человека в его борьбе с градом: разбрасывают в огороде скорлупки от первого пасхального яйца (*прва љуспина*, Доня-Драготиня, БС) для защиты от града; вывешивают на гвоздь в стене новогодний хлеб в виде кольца (*ковртањ*), с которым производили ритуальные действия имитации молотбы на гумне, *И то чува од невремена* [И это охраняет от непогоды] (Радомировац, СС). Вместе с печной утварью выкладывали на улицу кусочек выпеченного хлеба (*комадић круа, сомунa*) со словами «Боже, сачувај нас» [Сохрани нас, Господи] (Горня-Драготиня, МД). Сажали многолетнее растение *чуваркућа* под крышей, чтобы оно защищало дом и хозяйство *од громава, од леда* [от грома, от града] (Доня-Бистрица; МП).

Усложненные способы борьбы с градом (или «активные»), соотносящиеся со сведениями в работе Н.И. и С.М. Толстых, были записаны и сегодня не так далеко от Драгачево, в той же западной Сербии, но уже в окрестностях Косьерича:

Диалог из села Скакавцы:

Собиратель: Ако је црни облак близу, да ли је било људи који могу да бране село? [Если приближается черная туча, были ли люди, которые могут защищать село?]

МС: Да ти кажем, имало је то код нас жена претезно, кажу: скину се голе свучу све са себе, и зове, зове некога који се обесио (ељ знате шта је обесио? ЕС: Обешенјак), и зове га по имену: «Врати облак...» [Скажу тебе, были у нас женщины, главным образом, говорят: разденутся догола, всю одежду снимут с себя, зовет, зовут кого-нибудь, кто повесился (знаете ли, что это: «повесился»? ЕС: Висельник), и зовет его по имени: «Поверни тучу назад...»]

ЕС: «Врати кола наоколо» [«Поверни телегу обратно»].

МС: На другу страну, знаш. [В другую сторону, знаешь].

ЕС: «Врати кола наоколо» да не би код њих дошло. Имало је тих старијих приповетки. [«Поверни телегу обратно», чтобы до них не дошло. Бывали эти старые рассказы].

Аналогичная запись из соседней Мионицы:

Собиратель: Да ли је било неких људи који знају да терају црни об-лак? [Были ли люди, которые умели прогнать черную тучу?]

РП: Засад их нема ал' била једна баба овде, жена, која кад оће град, она изиђе горе на брдо, и сва се она распреди гола, скроз, и поче да виче. Нешто виче, ал' у тој гужви код нас — шта она виче... И стварно пређе град на другу страну, од оне. И сад кад она закасни, он пораби овде, ако не, онда... Јес, јес, то је тачно. Али виче баба! То се чује. Али није баба, то је била жена 56 година. Овде горе на ово брдо. [Сейчас их нет, но была одна бабка здесь, женщина, которая при приближении града, выходила наверх на гору, и раздевалась вся догола, полностью, и начинала кричать. Что-то кричит, но в этом шуме у нас — что она там кричит... И, действительно, переходит град на другую сторону, от нее. И вот, если она опоздает, град здесь падает, если нет, тогда... Да, да, точно. Но кричит бабка! Это слышно. Но не бабка, это была женщина 56 лет. Вот здесь наверху этой горы].

Обращаясь к статье о защите от града в Драгачево, основанной на записях 1970–1980-х гг., обнаруживаем различные ритуальные действия и приговоры, часть из которых имеет прямые сходства с описанными выше: во-первых, обращение (часто по имени) к висельнику (утопленнику, т. е. человеку, умершему неестественной смертью, ср. (Толстые 1981: 63, 74–75, 103)¹⁶); обнаженный вид исполнителя ритуальных действий, ср. (Толстые 1981: 58–60, 102); гора как локус исполнения ритуально-магических действий, ср. (Толстые 1981: 51, 62). Имеет значение и крик, произнесение отгонной формулы громким голосом (ср. (Толстые 1981: 50–63, 70–72, 74–76)), чтобы вредоносный персонаж, ведущий на село тучи, услышал закладателя.

Известен в зоне центральной Южной Славии и особо сложный способ магической борьбы с непогодой. В Подгрмечье записан рассказ о

16 Следует отметить, что к статье Толстых, с материалом которой сравниваются новые полевые данные, авторами сделан предметный указатель, позволяющий сориентироваться в наборе элементов, составляющих тот или иной фрагмент отгона градоносной тучи в том или ином сербском и шире — балканославянском регионе.

бытовавшем ранее опахивании соседнего с Радомировацем села Низка-Глава и всех его угодий, видимо, в какой-то четверг весной, после чего каждый четверг от Великого четверга до Вознесения люди обязательно праздновали (*празнују од Великог четвртка све четвртке до Спасова дана... као да их није тукао лед* [чтобы их не побил град]). Опахивание совершали два брата-близнеца двумя парами волов, чтобы защитить землю от града (*причали су да би се заштитили од невремена, од леда, да су два брата близанца оборали читаво село са два пара волова*) (Радомировац; СС). В работе Толстых опахивание как защита села от града фиксируется в Шумадии (Толстые 1981: 87).

Как видно из сделанных в экспедициях записей, полевой материал значительно дополняет энциклопедические статьи словаря «Славянские древности» в отношении географии народных представлений. В частности, перекусывание и глотание градинок не только характерно для восточных и западных славян (как указано в статье «Град» в словаре «Славянские древности» (Толстой 1995: 537)), но и практикуется в окрестностях Приедора — таким образом, данное действие известно и южным славянам. То же самое касается свечи как апотропеического средства: полевые записи свидетельствуют о защите с помощью не только сретенской и четверговой свечи у восточных славян (см. статью «Град» в словаре (Толстой 1995: 536)), но и рождественской или «славской» (т. е. свечи, используемой во время «Славы» — праздника чествования святого-патрона дома, семьи) у южных славян и т. д. Действия с могильными предметами также имеют те или иные аналогии у всех славян. При этом подчеркиваем ценность статей словаря «Славянские древности», состоящую в том, что все основные механизмы народного сознания в тех или иных ситуациях защиты человека от непогоды указаны, перечислены и объяснены. Экспедиционный материал лишь значительно углубляет и расширяет их географию.

(3) Еще один тематический комплекс активных действий человека в случае непогоды связан с вызыванием дождя при засухе. Этой темой в общеславянском аспекте также занимались Н.И. Толстой и С.М. Толстая (см., например, (Толстая 1999)). Работы южнославянских этнографов — В. Чулинович-Константинович (1963), А. Мурай (Muraj 1987), Д. Ножинича (Ножинић 1998) и др. — посвящены описанию обряда, фиксации места его исполнения, функциям, причем статья В. Чулинович-Константинович включает карты, показывающие распространение, во-первых, «женских» и «мужских» обрядов вызывания дождя, во-вторых, его основных названий (условно представленных как *dodole/prporuše*) на территории бывшей Югославии (см. (Ćulinović-Konstantinović 1963: 78–91)). Фиксация обряда на территории Южной Славии с указанием на точное название обряда и с учетом более поздних работ фольклористов, этнографов и диалектологов,

а также и собственных полевых материалов представлена на карте в монографии (Плотникова 2004: 510–523). Эта карта (как и карта-схема Чулинович-Константинович) не отражает наличие обряда «додола»/«пеперуга» в районе Приедора и Баня-Луки по причине отсутствия на тот момент конкретных сведений из этих мест. Во время полевых исследований окрестностей Приедора 2017 г. обряд также не был зафиксирован, но если обратиться к упомянутой выше работе Дияны Савич (Црняк) — словарию села Велико-Блашко под Баня-Лукой, — то эта лакуна оказывается также восполненной: «**ДОДОЛА** — ‘девојка која, окићена цвијећем и зеленилом, уз пјевање обредне пјесме: “Ој, додо, ој додоле!”’, иде у доба суше с пратњом по селу и моли се Богу да падне киша’ — Оне с се звале додоле и пјевале су: “Дај нам, Боже, мало кише, ој, додо, додоле”» [Додола — ‘украшенная цветами и зеленью девушка, которая с пением обрядовой песни «Ой, додо, додола!» идет во время засухи в процессии по селу и молит Бога, чтобы выпал дождь’. — Они назывались додолами и пели: «Дай нам, Боже, немного дождя, ой додо, додола»] (Савић 1997: 15). Иллюстрация из сообщения информанта Д. Савич-Црняк свидетельствует о том, что обряд исполнялся в этом селе в прошлом.

Вместе с тем во время экспедиции в села Поткозарья автору удалось зафиксировать иные «общественно полезные» формы ритуально-магического вызывания дождя человеком. Наиболее запоминающимся способом воздействовать на прекращение засухи стало посещение группой людей особой части кладбища, где хоронили умерших некрещеных детей, висельников и других самоубийц в этом селе. В Западной Боснии такие места называли *гињеничко гробље*, досл. ‘кладбище погубленных’¹⁷. При продолжительной засухе именно оттуда брали крест (ср. *крст са незнаног гроба* в других местах Южной Славии), привязывали его вдове или оставшемуся без отца и матери ребенку (причем таким «ребенком» мог быть взрослый человек, у которого уже умерли родители), выбранный персонаж волочил крест через село до реки, т. е. до проточной воды (*текућа вода*), где его привязывали к сучку в воде и оставляли, пока вода не снесет вниз по течению¹⁸. По другим сведениям,

17 Серб. *гињеник* переводится как «погибший, павший в бою; погибающий человек»; в селах Поткозарья так называли утопленников, самоубийц, при этом в случае засухи даже пытались их задобрить злаковыми культурами: *посјешет летину у то гињеничко гробље не би л’ пала киша* [посеешь жито на том кладбище погубленных — может, дождь пойдет] (Орловцы, БК).

18 Ср. «обратное» поверье — о причинах выхода из берегов реки и наступлении наводнения: «Если кто-нибудь утонитя, будет наводнение, целую неделю и больше будет дождь лить» (Брезичани, ЛМ).

сам крест также называли *гињенички крс*, и его просто бросали в проточную воду (Орловцы, НК). В этом же селе Орловцы полагали, что и продолжительная засуха настает тогда, когда женщина в селе, особенно незамужняя девушка, *бац'ла дијете* (т. е. сделала аборт). Встретилось и убеждение в том, что для исполнения цели обряда — вызывания дождя — такой крест, привязанный к ноге, могла волочить только вдова или старая дева (Радомировац, СС), ср. роль «института вдовства» и ритуальной чистоты в народной магии (Гура, Кабакова 1995: 296).

Связь засухи с миром умерших, отсутствие дождя как результат несправедных действий, влекущих смерть, может быть выражена и с помощью ритуально-магического удаления покойнических предметов из мира живых, в частности носилок, которые использовались в погребальной процессии. В с. Скаваццы (западная Сербия) нам удалось записать такое свидетельство: *Кад неко умре имала су носила. И ондак дођу у гробљу и узму та носила и бацају у воду. И онда киша падне. А сад тога нема. Сад нико не прави носила* [Когда кто-нибудь умирает, у нас были носилки. И вот тогда приходят на кладбище и берут эти носилки, и бросают в воду. И тогда начинается дождь. Сейчас этого нет. Сейчас никто не делает носилки для мертвых].

Условно «пасивный» способ вызывания дождя при засухе — предписание выдернуть как можно больше травы из земли: так, бабушка моей собеседницы говорила ей в детстве: «Чупај траву да киша падне» [Дергај траву, чтобы пошел дождь] (Горня-Драготиня, МД). По всей видимости, это связано с ритуалами «освобождения земли» для дождя: С.М. Толстая о запретах и ритуалах с земель в случае засухи пишет о том, что в селах с этой целью ломали заборы и ограды (Толстая 1999: 275).

(4) Завершая обзор ритуально-магических действий человека, стремящегося «исправить» непогоду или обезопасить себя и свое хозяйство от ее губительных действий, остановлюсь на ритуальных действиях при встрече с вихрем (что фиксируется в этой части Южной Славии не очень часто). В этих селах, как и во многих других славянских регионах, считается, что вихрь (*виор*) — творение дьявола или дьяволов: *нечастиви то направе* [черти это сделают] (Орловцы, МШ); *виурско коло — то су неки ђаволи* [круг вихря — это некие дьяволы] (Орловцы, БК); *нечастиви (ђаволи) играју коло* [черти пляшут в хороводе] (Прусцы, ВЗ; Цикоте, СК); *ђаволско коло* (Горня-Бистрица, СЗ); *коло нечастиво* (Орловцы, НК). Поэтому при виде вихря апотропеическими действиями служили соответствующие заклинания (использование слова «левый» для указания на несправедную, грешную, «плохую» сторону отсылки вихря, матерная брань и т. п.). Так, в окрестностях Приедора следовало три раза плюнуть на него (все информанты) и выругаться матом, причем не по матери, а по отцу («*Јеба свог оца*») (Орловцы, МШ).

Запись из села Мионица в западной Сербии также свидетельствует о значимости оппозиции «правый/левый» при встрече с вихрем, называемым *коловрат* ‘водоворот’ (как известно, любые «неправильные» действия, в том числе кручение, вращение, искривление, связываются с нечистой силой):

Собиратель: (Обращается с просьбой рассказать о «круге, танце вил») О вилинском колу?¹⁹

РП: То има, то има понегђе мјеста имају. Ја сам имао косачицу ову, косио ливаду у пољу, како смо ишли доље, и нигде облачка нема, нигде, ја косим тако фино, расположен, идем, и брзо сам то радио, само је се наоблацило одједном. И ударио је *коловрат*. То је то *вилино коло*, ваљда, да Бог сачувај, ударило је то, да је мени пукло у ветима и сву ону траву што сам косио и развалио се. Ударио и по мене, и по оној косачици, ја сам тлачило држао левом руком, и те крстио сам се што је стао. <...> Ја сам ту никад више косио, ту то је, само на једноме мјесту код једнога грма се дешава ту стално, то је то. То нас је снашло. [Это бывает, это бывает кое-где, места есть. У меня была косилка такая, косил траву в поле, как шли туда, так нигде ни облачка не было, нигде, я кошу так красиво, с настроением, иду, и быстро это делаю, только вот внезапно нахмурилось. И ударил вихрь. Это, наверное, танец вил, сохрани Боже, ударило это, так что у меня все внутри оборвалось, и всю эту траву, что скосил, разбросало. Ударил и по мне, и по той косе, я держал ручку левой рукой и крестился, чтобы остановилось. <...> Я здесь больше никогда не косил, здесь вот, только на одном месте около куста постоянно происходит, вот это вот. Такое с нами случилось].

Собиратель: Као нека олуја? [Будто какаја-то бура?]

РП: Да, али то одједном, није ништа нема, лијепо сунце, и само се одједном било наоблацило. Коса увис, ја сам се уплашио. И стално је ту. Кад сам год косио ту је увијек, само није толико, него видим кад косим, наиђе и подиже укруг, и стално га тера увис, и 10 метара. Само ту, није више. [Да, но это внезапно, нигде ничего не происходит, солнце сияет, и только внезапно набежали облака. Косу вверх, я испугался. И всегда здесь. Когда бы я ни косил, всегда, но только не в такой степени, но вижу, когда кошу, налетает и поднимает вверх, и все время его гонит вверх, и на 10 метров].

Собиратель: А како се каже? [А как говорят?]

РП: Коловрат [Вихрь (букв. ‘водоворот’)].

Собиратель: За то се каже, да су то виле? [Про это говорят, что это «вилы»?]

19 Отметим, что ответ был неожиданным для собирателя: в этих селах более известны традиционные представления о круге необычной (зд.: ярко-зеленой) травы, называемом *вилино коло* (Мионица, РМП, МЛП; Скакавцы, ММП).

ПП: Да. Онда им кажеш плунеш, па ка(жеш): «Под лево колено», и причуеш мало, и то стане. Сад ја не знам. Ја сам то све радио, прошло, ал' ја сам се толико уплашио, то је пукло ко да је... Ненормално како је то пробило одједном. То је се све завршило за кратко време. Опет све, ништа, све лепо [Да. Тогда им говоришь, плунешь и говоришь: «Под левое колено», и немного присядешь, и это остановится. Сейчас не знаю. Я всё это делал, прошло, но я так сильно испугался, это прорвало, будто бы... Ненормально, как это внезапно налетело. Это все завершилось за короткое время. Опять все ничего, хорошая погода].

В заключение отметим характерные для центрального ареала Южной Славии этнокультурные черты, касающиеся защиты человека от непогоды. Очевидно, что предложенные ранее этнолингвистические карты (см. (Плотникова 2004: 678–684, 510–523, 614–624)) могут быть дополнены новыми полевыми сведениями, на основе которых выявляются параметры, набор признаков, по которым определяются культурные диалекты. При этом основные контуры центрального ареала Южной Славии, обозначенные на основании изодокс и изолекс иной тематики народной духовной культуры, остаются прежними (см. карту (Плотникова 2004: 718)). При обращении к собранному данным обнаруживается, что тип человека *времењак/вјетровњак* с активными функциями борьбы против града и непогоды характерен для самых разных частей исследуемой центральной части Южной Славии, включая регион Приедора в северной Боснии (до сих пор не описанный в этнолингвистической литературе). И повсеместно в центральном ареале Южной Славии фиксируются «активные» типы борьбы с градом с использованием магических предметов и произнесением заклинания против черной тучи (включая обращение к самоубийцам «повернуть тучу» в обратную сторону / в направлении леса, гор, «пустых» мест и т. д.).

Следует особо отметить, что при анализе нарративов из двух зон одного и того же ареала можно видеть разные типы защиты от града со стороны «погодного» человека: так, он таинственно **исчезает из поля зрения** (с трактора), а потом внезапно является со следами участия в воздушной битве (села у Косьерича, западная Сербия) — таким образом, прослеживается мотив исчезновения защитника от непогоды, поэтому применительно и к этой зоне возможно говорить об отголосках мотива сна тела, во время которого действует душа защитника места (что особенно характерно для черногорского «здухача» или восточносербского человека-змея), см. вопрос № IV.8.5 в (Плотникова 2009: 50). Другой тип нарративов из центральной части Южной Славии (села окрестностей Приедора в северной Боснии) связан с тем, что все окружающие **видят**, как он отправляется в горы, раздевшись догола и накинув длинный плащ

или пальто, и каким-то образом колдует с тучами, что имеет прямые ассоциации с паннонским «чернокнижником» (отметим, что прямой вопрос о названии человека, управляющего непогодой, в вопроснике отсутствует ввиду того, что изначально он был ориентирован на балканскую часть южнославянского ареала). Таким образом, в рамках одного культурного диалекта наблюдаются, условно говоря, «говоры» — территориальные подтипы культурного диалекта. Очевидно также, что былички о человеке, выступающем против непогоды, значительно варьируются в зависимости от «говоров» культурного диалекта, что придает особую значимость роли собственно фольклорных текстов в географии народной культуры.

Литература и источники

Гура, Кабакова 1995 — *Гура А.В., Кабакова Г.И.* Вдовство // Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 293–297.

Далмација 2004 — *Далмација С.* Рјечник говора Поткозарја. Бања Лука, 2004.

Кулишић, Петровић, Пантелић 1998 — *Кулишић Ш., Петровић П., Пантелић Н.* Српски митолошки речник. Београд, 1999.

Ножинић 1998 — *Ножинић Д.* Поступци за призивање кише на Кордуну, Банији и Мославини // Расковник. Београд, 1998. Бр. 91–92.

Плотникова 1999 — *Плотникова А.А.* Здухач // Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 303–305.

Плотникова 2004 — *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.

Плотникова 2009 — *Плотникова А.А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996. Переизд.: М., 2009.

Плотникова 2018 — *Плотникова А.А.* Карпато-балканские этнолингвистические параллели // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М., 2018. С. 453–471.

Савић 1997 — *Савић Д.* Из лексике духовне културе у говору Великог Блашког (код Бања-Луке). Дипломски рад. Нови Сад, 1997.

Толстая 1999 — *Толстая С.М.* Засуха // Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 275–276.

Толстой 1995 — *Толстой Н.И.* Град // Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 1. С. 535–537.

Толстые 1981 — *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах // Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст. М., 1981. С. 44–120.

Ćulinović-Konstantinović 1963 — *Ćulinović-Konstantinović V.* Dodole i prgošuše: narodni običaji za prizivanje kiše // Narodna umjetnost. Zagreb, 1962. Knj. 2.

Muraj 1987 — *Muraj A.* Iz istraživanja Žumberka (preperuše, preslica, tara) // Narodna umjetnost. Zagreb, 1987. Knj. 24.

Список информантов

БК — *Босилька Кеџман*, с. Орловцы (родом из с. Бабичи), 1947 г. р., без образования (Республика Сербская в БиХ);

БС — *Босилька Сузић (Качавенда)*, с. Доня-Драготиня (родом из с. Прусцы), 1935 г. р., 8 кл. (Республика Сербская в БиХ);

ВЗ — *Винка Згоњанин*, с. Прусцы, 1954 г. р., 10 кл. (Республика Сербская в БиХ);

ЕС — *Емилија Спасојевић*, с. Скакавцы, 1940 г. р., 4 кл. (Сербия);

ЛМ — *Лепа Милошиновић*, с. Брезичани, 1943 г. р., 5 кл. (Республика Сербская в БиХ);

МД — *Милева Дрча*, с. Горня-Драготиня, 1942 г. р., 4 кл. (Республика Сербская в БиХ);

МП — *Мира Павић*, с. Доня-Бистрица, 1946 г. р., 4 кл. (Республика Сербская в БиХ);

МЛП — *Милунка Пантовић*, с. Мионица, 1930 г. р., без образования (Сербия);

ММП — *Миломирка Петровић*, с. Скакавцы, 1934 г. р., 4 кл. (Сербия);

МС — *Милун Спасојевић*, с. Скакавцы, 1940 г. р., 4 кл. (Сербия);

МШ — *Милева Шпадић*, с. Орловцы (родом из с. Петров Гај), 4 кл. (Республика Сербская в БиХ);

НК — *Нада Кесић*, с. Орловцы (родом из с. Бабичи), 1943 г. р., 4 кл. (Республика Сербская в БиХ);

РП — *Раде Пантовић*, с. Мионица, 1952 г. р., 4 кл. (Сербия);

РМП — *Радмила Пантовић*, с. Мионица, 1956 г. р., 5 кл. (Сербия);

СЗ — *Стоја Зрнић*, с. Горня-Бистрица, 1946 г. р., 4 кл. (Республика Сербская в БиХ);

СК — *Стојан Кукурик*, с. Цикоте, 1937 г. р., 8 кл. (Республика Сербская в БиХ);

СС — *Симо Стојић*, с. Радомировац, 1960 г. р., 8 кл. + 4 кл. среднее специальное образование (Республика Сербская в БиХ);

ТА — *Теуфин Аџић*, с. Козарац, 1921 г. р., 8 кл. + 5 кл. в духовной семинарии медресе (Республика Сербская в БиХ).